

Культур а. - 2006. - 12-18 окт. - с. 13

Исповедь души поющей

Концерт Натальи Загоринской в "Теликон-опере"

Ярких личностей "Теликону" не занимать. Но есть одно имя, которое вот уже более десяти лет, говоря об этой труппе, по праву называют первым: Наталья Загоринская. Придя в театр всего лишь на второй год его существования, она за несколько лет утвердилась здесь в качестве prima donna assoluta и по сей день остается вне конкуренции. И это притом что у нее совершенно отсутствуют те качества, какие обычно ассоциируются с понятием "примадонна": эгоцентризм, переходящий в манию величия, скандальность и прочее подобное. Зато завсегдатаям "Теликона" хорошо ведомо другое: когда на сцене Загоринская, это отражается на всем и на всех. Рядом с ней невозможно халтурить, рядом с ней каждый словно бы становится выше ростом и расправляет крылья. Поэтому любой спектакль с ее участием – всегда событие.

В чем же секрет феномена Загоринской, поразительного воздействия на публику (и партнеров), если только не отделяться общей констатацией, что у нее талант от Бога? Гленн Гюльда утверждал, что пианисты делятся на тех, для кого важен сам роля, и тех, кто по ту сторону роля. Про Загоринскую можно сказать, перифразируя Гюльда, что она – по ту сторону вокала. Голос ее, бесспорно, хорош, но сам по себе вряд ли может быть назван из ряда вон выходящим. Суть в том, что она им делает. Для Загоринской голос – это прежде всего музыкальный и артистический инструмент, посредством которого она может выразить, кажется, все.

Конечно, и ее собственно актерские возможности велики – достаточно вспомнить хотя бы Кармен в знаменитом спектакле Дмитрия Бертмана. Но и посредством одного лишь голоса эта поистине уникальная певица способна создать полноценный художественный образ, сказать главное о своей героине. Поэтому и

на концертной эстраде она – не вокалистка, озвучивающая те или иные ноты, но подлинная артистка, поющая и проживающая судьбу, внутренний мир своих героев даже и в рамках небольшой миниатюры.

Надо заметить, что сам жанр камерной вокальной миниатюры становится ныне почти что раритетом. Обращаются к нему все реже, умеющих же это делать по-настоящему – все меньше. Даже в "Теликоне", где за последние годы сольные концерты ведущих солистов сделались традиционными, большинство опять-таки поет в них оперные фрагменты. Загоринская же составила программу из романсов Даргомыжского, Глинки и Чайковского.

Даргомыжский, как известно, стремился к тому, чтобы "звук прямо выражал слово". Загоринская едва ли бы безоговорочно подписалась под этим девизом. Она прекрасно чувствует слово, обладает безупречной дикцией, но все же не слово само по себе является для нее главным. И даже не музыка как таковая, хотя музыкальность ее поразительна. Даргомыжский слог и музыка неразделимы, рождая новое качество, а главным становится то, что скрывается за словом и за музыкой. Наверное, еще и поэтому не Даргомыжский, но Глинка и особенно Чайковский оказались вершинами этой ее программы.

Глинковский романс "Как сладко с тобою мне быть" стал первым из исполнительских шедевров вечера. Из того же ряда практически все спетые ею романсы Чайковского, хотя и тут я бы особенно выделил "Забывать так скоро", "Средь мрачных дней", "Закатилось солнце" и "Средь шумного бала". У кого еще услышишь такое глубочайшее проникновение, вживание в эмоциональный строй и смысл каждого романса, такое безоглядное погружение во внутренний мир их героев, такую "истину страстей"? В по-

следние десятилетия нечто подобное можно было услышать разве только у Елены Образцовой (да и то, скорее, в Рахманинове). Однако той безыскусности и естественности, что у Загоринской, не было и у нее. При чем, что тоже характерно, у Загоринской равно органично выходят как женские, так и мужские романсы. Впрочем, задумываться о гендерной сущности героев этих романсов в данном случае попросту даже и не приходило в голову, ибо подлинным героем, вернее – героиней, была здесь сама певица. Каждый романс становился настоящей исповедью души, и подчас начинало мниться, что то душа самой певицы – столь полным всякий раз было первоположение. И даже банальные порой строки (как, например, в "Страшной минуте") на текст самого Петра Ильича) обретали вдруг неожиданный объем.

Концерт этот нельзя назвать сольным в полном смысле слова, как чаще всего бывало раньше в филармонических "вокальных вечерах". В первом отделении принял участие молодой теликоновский бас Дмитрий Скориков, убедительно исполнивший три романса Даргомыжского и его же дуэт "Ванька-Танька" вместе с героиней вечера. Во втором отделении ученица Загоринской Елизавета Агеева (окончившая в нынешнем году РАТИ и стажировавшаяся в "Теликоне") довольно недурно спела "Серенаду" Чайковского и вместе со своим педагогом дуэт "Слезы людские".

Особо следует сказать о пианисте Михаиле Егизарьяне. Очень редко с певцами на концертной эстраде выступают музыканты такого уровня. Многим пианистам-концертмейстерам публичные выступления просто противопоказаны. Но Егизарьян, хоть и является штатным концертмейстером театра, действительно превосходный пианист. Нелегко быть равноправным партнером такой экстраординарной личности, как Загоринская, но Егизарьяну это удалось. Каждый романс становился, по существу, дуэтом голоса и фортепиано. При этом Егизарьян предстал еще и в самостоятельном качестве, отменно сыграв несколько фортепианных пьес Глинки и Чайковского. Следует сказать, что концерт этот также состоялся по инициативе пианиста, осуществляющего в "Теликоне" целый цикл концертов под общей шапкой "проект Михаила Егизарьяна" (в рамках которого неделю спустя прошел вечер "Шостакович-гала"). Скорее всего, он и придумал название для вечера Натальи Загоринской – "Дар души поющей", столь точно отражающее сокровенную суть ее искусства.

Н. Загоринская и М. Егизарьян

Дмитрий МОРОЗОВ